

Княгиня Дашкова в Череповецком уезде

Череповец и его окрестности очень интересны, хотя сохранили мало исторических памятников. Возможно, современному путешественнику они покажутся малопримечательными, не имеющими ничего исторически важного. Но если коснуться прошлого этих мест, впечатление сразу изменится и воспоминания о самых отдаленных исторических событиях невольно восстанут в памяти.

Одним из таких событий, волновавшим в свое время умы, является приезд в ссылку в череповецкую деревню Коротово выдающегося общественного и литературного деятеля России XVIII века Екатерины Романовны Дашковой.

Более одиннадцати лет руководила она двумя крупнейшими научными учреждениями России. Была директором Петербургской академии наук, объединявшей тогда естествознание и точные науки, и президентом Российской академии.

Под руководством Дашковой при академии организовались ежегодные публичные лекции, имевшие большой успех, увеличивается количество студентов-стипендиатов, активизируется издательская деятельность. Гордостью и славой академии было издание Толкового словаря русского языка (Словарь Академии Российской) ч. I—IV, 1789—1794 гг. Это был первый русский этимологический словарь, который, как известно, высоко ценил А. С. Пушкин. С 1783 года при академии один за другим выходили журналы «Собеседник любителей Российского слова», «Новые ежемесячные сочинения». При содействии Дашковой, хотя и не при академии, печатаются 43 части издания «Русский театр». Дашкова участвует в этих изданиях не только как редактор, составитель, но и как автор. В «Русском театре» печатается комедия Дашковой «Человек бесхарактерный».

«Доблестный начальник», «покровительница муз» — так гозорили о Дашковой благодарные современники. Но при царском дворе Екатерина Романовна с ее деятельным характером и независимыми суждениями недолго играет блестящую роль. Любой ее срыв делается предметом длительного обсуждения и насмешек. Дашкова не ладит с фаворитами, спорит с самой императрицей, отстаивая свою точку зрения и свой план издания Словаря академии. Она решительно редактирует материалы, присылаемые Екатериной II в «Собеседник», печатает трагедию Княгинина «Вадим Новгородский», имеющую явную антимонархическую направленность. Все это приводит к тому, что в 1794 году Дашковой дают разрешение на двухгодичный отпуск. Фактически ее отстраняют от дел и отправляют в деревню.

В подмосковной деревне Троицкое Дашкова делается отличной хозяйкой, строит дома, чертит планы, разбивает парки. Вот как об этом пишет постоянная ее спутница Катрин Уильмот своим родным в Ирландию:

«Очень бы мне хотелось, чтобы вы могли взглянуть на самую княгиню. В ней все — язык и платье — все оригинально; что б она ни делала, она решительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слышала о таком. Она учит каменщиков класть стены, помогает делать дорожки, ходит кормить коров, сочиняет музыку, пишет статьи для печати, знает до конца церковный чин и поправляет священника, если он не так молится, знает до конца театр и поправляет своих домашних актеров, когда они сбиваются с роли; она доктор, аптекар, фельдшер, кузнец, плотник, судья, законник; она всякий день делает самые противоположные вещи на свете...»

В 1796 году Екатерина II умерла. Новый император Павел I издает указ об отставке Дашковой и приказывает ей отправиться в ссылку в ее новгородские деревни «вспомянуть события 1762 года». Известие об этом приказе Дашкова получила в три часа ночи. С трудом достав проводника, зимой, в стужу, окруженная шпионами, едет она в новгородскую ссылку.

Чем же заслужила Дашкова такую немилость со стороны царской семьи? Ответ на этот вопрос дают «Записки княгини Дашковой», в которых она стремится показать, как «опасно плыть на одном корабле с великими мира сего».

Дашкова родилась 17 марта 1743 года в семье графа Романа Илларионовича Воронцова. После смерти матери воспитывалась в доме дяди, «великого канцлера» Михаила Илларионовича Воронцова вместе с его дочерью. Здесь, по ее собственному признанию, Дашкова получила «превосходное образование» — говорила на четырех языках, хорошо танцевала и умела рисовать, и слыла за «отлично воспитанную девицу». В доме дяди Дашкова познакомилась и подружилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной, стала ее преданной сторонницей в заговоре против императора Петра III (мужа Екатерины Алексеевны, отца Павла I).

28 июня 1762 года силами гвардейских полков Петр III был свергнут и на престол возведена Екатерина II. Девятнадцатилетняя Дашкова, знавшая через своего мужа, князя Дашкова, многих гвардейцев, приняла деятельное участие в государственном перевороте. Она считала это событие революцией, «самым главным и достопамятным делом для своей родины». Екатерина «малая» верила в «идеальную Екатерину», в то, что новая императрица, опираясь на просвещенных

советчиков, пресечет самовластие разумными законами. Но прекрасноразумным иллюзиям не суждено было сбыться. После переворота совсем другие люди заняли первенствующее положение при дворе и в делах государственных. В 1766 году в письме к брату Дашкова писала: «Масла сброшена... Никакая бл... ристость, никакие об... гельства больше не признаются».

В 1859 году Герцен опубликовал в Лондоне «Записки княгини Дашковой». Современные исследователи называют «Записки» памятником культуры XVIII века. Описывая свою жизнь, Дашкова, вместе с тем, рисует широкую картину русской действительности. Нескольких страниц она посвящает пребыванию в ссылке в маленькой деревеньке своего сына, расположенной в северной части Новгородской губернии, среди болот и непроходимых лесов между Устюжной Железопольской и Череповцом.

«По прибытии моем в Коротово, — пишет княгиня, — приезд мой сопровождался небольшой церемонией. Я опишу ее, потому что в ней выразилась черта народного характера и при настоящем моем положении чрезвычайно тронула меня. Между русскими помещиками есть обычай идти прямо в церковь по приезде в деревню; попы служат благодарственный молебен, и потом являются в дом господина с поздравлением; при чем они благоговейно целуют крест и потом руку священника. Так было и со мной; как только я вышла из саней, поп явился в мою горницу и, совершив религиозный обряд, вместо того, чтобы протянуть мне свою руку, умолял со слезами на глазах позволить ему поцеловать мою. Не чини, моя матушка, я уважаю, сказал он, — нет — слава ваших добродетелей глубоко проникает мое сердце. Я говорю вам во имя всей деревни. Для вас несчастье жить между нами, — мы жалею о том; но для нас благо — дать видеть вас, как ангела-хранителя».

Далее Дашкова пишет, что «наивное и задушевное выражение любви этих добрых крестьян... одушевило, ослатило меня. Мои спутники были до слез тронуты этой сценой и после сказали, что никогда они не чувствовали ко мне такого уважения как в эту минуту». В Коротове Дашкова жила в простой крестьянской семье, в обычной избе, довольно просторной и опрятной, вместе со своими горничными. Благодаря вниманию, уважению и чистоте хозяев она не чувствовала никакого неудобства.

Привыкшая к деятельной жизни, ко многим книгам и бумагам, Дашкова занимала себя тем, что много рисовала на белом деревянном столе деревенские пейзажи. Когда пейзажи эти соскабливали, она рисовала новые.

Широко известен портрет Дашковой, запечатлевший ее в ссылке. На портрете — пожилая женщина в мужском мундире со звездой сидит на деревянной лавке, опершись о маленький, грубо сколочен-

ный стол. Печальная жизнь в изгнании еще больше проявилась, когда зимой замерзли озера и открылось сообщение с соседними провинциями. По деревне мимо окон Дашковой для сокращения пути гнали ссыльных из Петербурга в Сибирь. Образ одного изгнанника — молодого офицера, дальнего родственника, оставил глубокий след в душе Дашковой. Болезненный вид, судорожное подергивание лица ссыльного были следствием недавних пыток, которым подвергли офицера «за оскорбительные для императора речи».

Коротовские крестьяне с необыкновенным усердием помогали княгине во всех ее делах. Возвращаясь два раза в неделю с базара соседнего города, они приносили все, что можно было достать лучшего для стола Дашковой и ее дочери, и ни за что не хотели брать денег. Они являлись к Дашковой ежедневно по очереди с запасом пирогов и яиц, чтобы повидать ее и осязательно о ее здоровье. Дашкова спрашивала крестьян, каким образом они могут любить ее, когда уже давно потеряли в ней свою госпожу. Ответ был всегда один и тот же: «Когда мы были твои, тогда пощастливели и разбогатели».

Перед весенним разливом рек, грозившим отрезать ее от мира на долгое время, Дашкова пишет письмо императрице Марии Федоровне, в котором просит разрешения перебраться в подмосковную деревню. В этом же пакете она отправляет и незапечатанное письмо Павлу I с той же просьбой. С большой неохотой Павел I разрешил Дашковой ехать в Троицкое и жить там безвыездно.

14 марта 1801 года произошёл новый дворцовый переворот. Павел I был убит. На престол взошел его сын Александр I. Со смертью Павла опала Дашковой кончилась. Она присутствовала при коронации Александра I, но при дворе не осталась.

О последнем десятилетии жизни Дашковой рассказывают воспоминания Мэри Брайфорд и ее сестры Катрин Уильмот — родственниц ирландской подруги Дашковой мисс Гамильтон. Мэри Брайфорд стала последней привязанностью Дашковой. Для своей любимой она затевает бесконечные развлечения — катанье с гор, спектакли домашнего театра, частые поездки в Москву на балы, на свадьбы, гулянья, к пыганам, раскольникам, в Троице-Сергиеву лавру. Она учит Мэри французскому и русскому языкам. Одновременно пишет «Записки». В 1807 году Мэри уезжает на родину с рукописью книги и обещанием издать ее.

Е. Р. Дашкова умерла 4 января 1810 года на 67-м году жизни. «Записки» княгини были опубликованы впервые лишь в 1840 году. Они являются примером самовыражения яркого и талантливого человека, незаурядной личности, стоявшей несравнимо выше современного ей общества.

Э. РИММЕР,
заместитель директора
по научной работе
Череповецкого музейного
объединения.